

Ольга Мохначева

СООТНОШЕНИЕ БЫТИЙНОГО КОНЦЕПТА И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНАХ М. ЭТВУД

В статье рассматриваются особенности творчества современной канадской англоязычной писательницы М. Этвуд. Особое внимание в романном мире М. Этвуд уделяется анализу способов соотношения реальности и ее глубинного, бытийного постижения в свете эстетических предпочтений писательницы.

Ключевые слова: романистика, реальность, отчужденность, онтологический дискурс, повествовательная стратегия.

В творчестве англоканадской писательницы Маргарет Элиноор Этвуд (1939) – одной из наиболее актуальных и репрезентативных творческих личностей в литературе конца XX в. – нашли выражение многие ключевые проблемы современной культурной ситуации. Центральной темой ее романов, высоко оцененных мировым сообществом (кроме нескольких национальных премий и наград, четырежды фигурировала в шорт-листе Букеровской премии, которую в 2000 г. получила за роман «Слепой убийца»), остается вопрос о личностной самоидентификации, о поисках смысла бытия и формах его художественной реализации. Определяя диапазон творческого поиска писательницы, современный исследователь отмечает, что «ключевыми темами в романистике М. Этвуд стали женское видение окружающего, психологические основы формирования личности, ее отчужденность, сугубо индивидуальное восприятие действительности, усиливающееся ощущение дискомфорта, неудовлетворенности собой и окружающим миром, перерастающее в душевный кризис, а также взаимосвязь прошлого с настоящим, проблема взаимоотношений отцов и детей» [2, 3]. Широкий круг перечисленных здесь проблем не исчерпывает ни глубины, ни разнообразия интересов писательницы и поэтому определяет актуальность исследования ее творчества.

Творчество М. Этвуд привлекает внимание исследователей: в разных аспектах оно рассмотрено в работах как западных (Ш. Грейс [12], И. Каррингтон де Папп [10], Н. Кук [11], Р.К. Салливан [15], С.А. Хоуэлс [13]), так и отечественных разработчиков (Н.Ф. Овчаренко [3], Н. Пальцев [4], И. Прохорова и др.). Критики отмечают своеобразие поэтики, тематики, проблематики, жанровых особенностей, системы образов в романистике М. Этвуд, выделяют мастерство психологического рисунка в ее рассказах и романах, умение сделать философское обобщение, выделить экзистенциальные акценты в обыденности. Подходы к анализу творчества Этвуд носят масштабный характер: исследуется проблемно-тематическое и жанровое своеобразие

ее творчества, делаются историко-сравнительный, социокультурный и концептуальный анализы, выстраиваются национальные концептосферы, образные парадигмы и пр.

М.Ю. Воронцова в диссертации и ряде статей анализирует поэтику произведений М. Этвуд, подчеркивая такую отличительную черту в мировоззрении писательницы, как взаимодействие «новых художественных тенденций, характерных для постмодернистской литературы конца XX века, с приметами поэтики и семантики, которые выделяют англоканадскую литературу с конца XIX века», определяет «женское видение окружающего» как доминанту мировоззрения писательницы, где «задана новая парадигма мышления, новые характеристики человека. В них находит свое отражение меняющийся мир, отторгающий стереотипы и бывшие “естественные” нормы человеческого поведения» [2]. Широкий круг интересов Этвуд, оригинальность ее авторской презентации включает в поле исследования ее богатого (как в жанровом отношении, так и в содержательно-смысловом наполнении) творчества все более многоаспектные подходы.

«Какую бы книгу М. Этвуд мы ни открыли, в центре каждой – неблагоприятная женская судьба; в фокусе каждой – отчетливая философская доминанта, продиктованная упрямым стремлением романистки во что бы то ни стало доискаться, говоря словами русского поэта, “До сущности протекших дней, / До их причины, / До оснований, до корней, / До сердцевины”», – пишет, например, Н. Пальцев [4]. Намеченный здесь онтологический дискурс определяет цель данного исследования как анализ способов соотношения воспроизводимой в романном мире М. Этвуд реальности и ее глубинного, бытийного постижения в свете эстетических предпочтений писательницы, заметно отличающихся от художественных вариантов ее современников. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: исследовать художественное пространство романов М. Этвуд, рассмотреть особенности соотношения бытового концепта и эстетической реальности

в них и выявить, каким способом это отражается в тексте и трансформирует его восприятие.

В одном из широко известных интервью, объясняя природу своей писательской неординарности, М. Этвуд отметила: *«Многое из того, что людьми совершается в этой жизни, продолжает меня по-прежнему изумлять. Полагаю, это одна из причин, почему я вообще занимаюсь писательским ремеслом: мне очень важно найти ответ на вопрос, почему люди делают то, что они делают»*. Интерес к смыслу людских поступков, соотнесение наблюдений над жизнью во всех ее нереальных проявлениях с догадками об их истинном смысле, о тайных мотивах и эмоциях отличают творческую манеру М. Этвуд и определяют поэтику ее романов.

Уже в дебютном романе Этвуд «Лакомый кусочек» или в другом переводе «Съедобная женщина» (1969) при внешне упрощенном изложении ощущается такая глубина, что исследователи теряются даже при определении круга его проблем. Романную идею исследуют в диапазоне от блестящего воссоздания внешней стороны жизни «средней женщины», которую потребительское общество воспринимает как безликую вещь, до проявления *«темы экзистенциального поиска современным человеком "истинного" бытия, адекватного имманентным потребностям его личности»* [1]. Предположим, что приемом, позволяющим находить такие кардинальные смыслы, является своеобразие авторской концепции, нашедшей выражение в повествовательной стратегии, основанной на диссонансе между подробным описанием бытовых реалий, событий и неадекватной реакцией героини на них. Неторопливо разворачивается романное действие, в котором Мэрион завтракает, идет на работу, недоумевает о своей роли в Сеймуровском институте, где ей *«ничто не светит»*, но *«бывают работы и похуже»*, собирается замуж, представляет себя в старости и т. д., и т. п. – все это описательное полотно создает впечатление неправдоподобности, искусственной декорации, сквозь которую, как в романе В. Набокова «Приглашение на казнь», доносятся голоса иных существ из другого мира.

Героиня, от имени которой ведется рассказ о ее бесхитростной жизни, делает вид, что она предельно откровенна, что она допустила посторонних к сокровенным тайнам, но эффект недоверия – фирменный знак поэтики М. Этвуд – тем сильнее, чем заметнее несоответствие между ее рассказом и ее – даже не ощущениями – действиями. Вот Мэрион расстраивается, подписав документы в пенсионный фонд, но не потому, что жаль денег или страшит старость. *«Дело было не только в том, что меня заставили подчиниться правилам, которые кто-то составил, не спросив моего мнения; к этому привыкаешь еще в школе. Нет, меня охватил какой-то суеверный страх оттого,*

что я своей подписью скрепила магический документ, который каким-то образом связывал мое будущее, притом такое далекое будущее, что я его даже и представить себе не могла!» [5, 7]. Так в текст романа wpłyвает метафизика и ощущение того, что за гранью обыденности кипит лава инобытия, непостижимого и непредсказуемого, толкающего Мэрион на такие же поступки. Чего стоит ее бег по ночным улицам, экспериментальные отношения с Дунканом, любителем гладить белье, сложное отношение к еде на грани анорексии – как думает сама Мэрион: *«возможно, это было какое-то отклонение, пробел в ткани моей личности, частичная потеря контроля над собой»* [5, 52]. Эффект недоверия к детально прописанному материальному миру, теряющему убедительность вопреки своей предметности, подавляющему телесной избыточностью, в финале романа воплощается в бисквитной женщине, в съедобной модели героини как метафоре ее самоощущения.

Развитие этой установки автора на инопрочтение текста и коррекцию его смысла в результате демонстративного отсутствия авторской оценки, за счет противоречия реалий текста с эстетической оппозицией, вынесенной за его пределы, позволяет говорить о наличии авторского концепта. Возникая на периферии текста не в качестве постулированных положений, а как система противоречий с очевидными реалиями, такая позиция повествователя выстраивается в виде своеобразного онтогенеза, когда накопление смыслов происходит почти на подсознательном уровне. Система эстетических предпочтений, вкусов и потребностей – один из предметов творческого осмысления Этвуд. Герои ее романов чаще всего как раз и демонстрируют процесс «вырастания» из собственной роли, обусловленной правилами бытия. Правила становятся тесными, и даже если герой не совсем хорошо это понял, авторское сомнение через отражение в эстетической реальности изменяет восприятие вещей, которые казались прочными, незыблемыми и бесспорными.

В системе оформления эстетической реальности имеют значение две важнейшие функции личности – ценностно-ориентирующая и смыслотворческая. Если такая эстетическая функция личности, как ценностно-ориентирующая составляющая, проявляется в обретении автономии «я» и способности выстраивать собственную картину мира, то, начиная с первого романа, герои Этвуд с ней справляются довольно успешно. Их проблемы обретаются в области функции смыслотворческой, где индивидуализируются объективные значения и востребованы способности к сотворению личностного смысла, где субъективное отношение определяет смыслжизненную позицию.

Роман Этвуд «Постижение» (1972), по общему мнению, посвящен драме отчужденного сознания.

То, что происходит с героиней – возвращение к естественно-природному существованию, то ли опрощение, то ли одичание – происходит с ней непочему, вразрез с логикой ее собственной жизни и с логикой жизни окружающих: при всем разнообразии и непохожести их концепций бытия они едины в чем-то, против чего выступает героиня, и что в романе не находит обозначения иначе, чем через это отрицание. Героиня и сама вряд ли осознает, что за инстинкты заставляют ее вести себя в стиле «йети». Этвуд никак не комментирует – и здесь причины ее «выпадения» из реальности: сохраняя повествовательную стратегию сомнения, вынесенного за пределы текста, констатирует только факт трансформации: *«Теперь главная опасность – лечебница или зверинец, куда нас помещают, целые виды или отдельных индивидуумов, когда мы больше не способны к борьбе за существование. Они ни за что не поверят, что перед ними естественная женщина, женщина в своем природном виде, для них она – загорелое тело на песчаном пляже, вымытые волосы, колышущиеся, как шарф, а не это существо: лицо, перепачканное грязью, в потеках, с исцарапанной шелушащейся кожей, волосы стоят дыбом»* [8, 112]. Как видим, эстетическая реальность романа превышает и опротестовывает устойчивость картины реального мира, убедительной в своих тончайших деталях лишь на первый взгляд.

В первых двух романах М. Этвуд использует подобные приемы: в поступательном движении сюжета, в тщательно выписанных бытовых реалиях ничто не предвещает неожиданного срыва, выпадения персонажа из накатанной колеи повседневности. Конфликт между банальностью происходящих событий и невероятным напряжением в процессе их осмысления обнаруживает наличие грандиозной духовной работы в сотворении личностного смысла только в момент срыва, толкающего героя на непредсказуемые действия.

В романе «Мадам Оракул» (1976) процесс сотворения личного мира героини, противопоставленного общепринятой формуле бытия и соотнесенного с эстетическим видением автора, выражен у М. Этвуд новым приемом: жанровым симбиозом игры с литературным текстом. Удачный художественный эксперимент, основанный на перекличке реальной жизни героини и событий готического романа, который она создает «в поисках самоидентификации», по-новому демонстрирует несовпадение воспроизводимого в романе мира и его оценки. Вещный мир, мир внешний, в романе описан со вкусом, детально, с установкой на эстетическую программу мироощущения писателя (альтер-эго самой Этвуд), например: *«Я могла часами стоять перед витринами, где были выставлены старинные ожерелья, позолоченные ложки, сахарные щипцы в форме куриных ножек или ручек гнома, неработающие часы, фарфор в цветочек, зеркала в пятнах*

старости, громоздкая мебель – хлам былых столетий, куда я почти уже переселилась. Никогда раньше я не видела ничего подобного; меня окружало время, волны времени. Я плыла, раздвигая их руками, и очень подробно все запоминала; и нефритовую табакерку, и эмалевый флакончик из-под духов, и многое другое, во всей подлинности и достоверности, чтобы ощутить, выловить, как бриллианты из кадушки с тестом, зафиксировать в памяти расплывчатые эмоции моих костюмированных героинь» [6, 97]. Подлинность и достоверность бытовых реалий, предметов противопоставлена «расплывчатым эмоциям костюмированных героинь» – в этой цитате содержится художественная инверсия, приложимая к М. Этвуд: в ее романах расплывчатые эмоции убедительнее самого подробного описания житейских обстоятельств.

И наоборот, чем увереннее герой Этвуд себя позиционирует, чем обстоятельнее прорисована картина его мира, тем сильнее недоверие к нему, например, в романе «Она же Грейс» (1996). Написанный на основе реального исторического события, случившегося в Канаде в конце XIX в., основанный на изученных документах, это роман-детективная история, рассказанная самой «убийцей» Грейс Маркс. Текст романа изобилует подробными и достоверными описаниями домов, где служила Грейс, тюрем, в которых ее содержали, людей, с которыми она была знакома – нет только единой версии событий, закончившихся трагедией и смертью. Проблема множественности человеческой личности, ускользающих координат реальности, переданная в «стереоскопической» манере повествования, в этом тексте решается не без помощи отражения предметного, бытийного концепта сквозь призму авторской эстетической программы. Согласно исповеди Грейс, была она убийцей или жертвой, в версии Этвуд так и не ясно.

В самом известном романе Этвуд «Слепой убийца» (2000) семейная сага просвечена жестокой метафорой научно-фантастического вымысла, в неожиданном свете раскрывающего суть истории. Здесь столкновение логики повествования и авторской концепции заметно не только на уровне жанрового диссонанса, но и в нарративной установке: рассказывая о своем детстве, героиня говорит: *«я собрала немало фрагментов и смогла воссоздать прошлое; должно быть, результат похож на реальность не больше, чем мозаичный портрет на оригинал. Впрочем, реализм меня не привлекал: я жаждала ярких картин с четкими контурами, лишенных двусмысленности, – этого хотя бы все дети в историях о родителях. Почтовых открыток»* [9, 30]. Принцип непохожести на реальность останется ведущим в процессе восстановления судьбы сестер Чейз, истории бунта и уступок, измен и преданности, вдохновенной истории слепого убийцы

из сказки о любви, которая становится реальнее самой любви. В романе «Слепой убийца» концепция соотношения реальности и ее эстетической модели усложняется не только на уровне повествовательной стратегии, но и в смысловой поливариантности, проявляющейся в ходе раскрытия многозначных фрагментов текста.

Как видно, в оформлении художественного пространства романов М. Этвуд важную функцию играет соотношение бытового концепта и эстетической реальности, в результате чего возникает полифоническое звучание романной идеи. Чаще всего это соотношение выливается в противоречие между детальным отражением в тексте бытовых реалий и сомнением в их значимости,

знаковости, благодаря чему онтологические проблемы бытия ненавязчиво, но неизбежно вплетаются в разнообразные истории жизни, интересующие писательницу. В романной структуре это находит выражение через жанровую полифонию, смысловую поливариантность, «стереоскопическую» манеру повествования, диссонанс между подробным описанием бытовых реалий, событий и неадекватной реакцией на них. Бессилие человека перед реальностью, которая искажает личность, выстраивание особой системы координат, диссонирующей со стандартными правилами привычного хода вещей, выдвигаются на первый план произведения как основная задача повествовательной стратегии в романах М. Этвуд.

ИСТОЧНИКИ

1. Воронцова М.Ю. Роман Маргарет Этвуд «Лакомый кусочек». Начало романного творчества современной канадской писательницы. – [Электронный ресурс] / М.Ю. Воронцова. – ДНУ, 2003. – Режим доступа : [//sevntu.com.ua/jspui/bitstream/.../566/1/filolog.51.2002.contents.pdf](http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/.../566/1/filolog.51.2002.contents.pdf)
2. Воронцова М.Ю. Своеобразие романистики Маргарет Этвуд : дисс. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 2005. – [Электронный ресурс] / М.Ю. Воронцова // Режим доступа : http://librar.org.ua/sections_load.php?s=%20philology&id=3217&start=10
3. Овчаренко Н.Ф. Канадская литература XX века : три грани эволюции / Н.Ф. Овчаренко. – К. : Наук. думка, 1991. – 164 с.
4. Пальцев Н. Предисловие. Маргарет Этвуд «Та самая Грейс» [Электронный ресурс] / Н. Пальцев // Иностранная литература. – 1999. – № 4. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran%20/1999/4/atwod.html>
5. Этвуд М. Лакомый кусочек / Маргарет Этвуд. – Л. : Худ. лит., 1981. – 311 с.
6. Этвуд М. Мадам Оракул / Маргарет Этвуд. – М. : Эксмо, 2010. – 448 с.
7. Этвуд М. Она же Грейс / Маргарет Этвуд. – М. : Эксмо, 2011. – 576 с.
8. Этвуд М. Постигание [Электронный ресурс] / Маргарет Этвуд // Режим доступа : <http://bookre.org/reader?file=312073>
9. Этвуд М. Слепой убийца / Маргарет Этвуд. – М. : Эксмо, 2004. – 496 с.
10. Carrington de Papp I. Margaret Atwood and Her Works / Ildikode Papp Carrington. – Toronto : EWC, 1985.
11. Cooke N. Margaret Atwood : A Critical Companion / Nathalie Cooke. – Connecticut : Greenwood Press, 2004. – 175 p.
12. Grace Sh. Violent Duality: A Study of Margaret Atwood / Sh. Grace. – Toronto : University of British Columbia, 1980. – 320 p.
13. Howells C.A. Margaret Atwood / Coral Ann Howells. – New York : St. Martin's, 1996. – 185 p.
14. Sullivan R. The Red Shoes: Margaret Atwood Starting Out / Rosemary Sullivan. – Toronto : Harper Flamingo Canada, 1998. – 359 p.

У статті розглядаються особливості творчості сучасної канадської англомовної письменниці М. Етвуд. Особлива увага в романному світі М. Етвуд приділяється аналізу способів співвідношення відтворюваної реальності та її глибинного, буттєвого осягнення у світлі естетичних уподобань письменниці.

Ключові слова: романістика, реальність, відчуженість, онтологічний дискурс, розповідна стратегія.

The article covers peculiarities of literary heritage of a modern English-speaking Canadian writer Margaret Atwood. A special attention is devoted to the analysis of the means of balancing the reality of the world reproduced in M. Atwood's novels and deep existential perception in terms of the writer's aesthetic preferences.

Key words: novel fiction, reality, alienation, ontological discourse, narrative strategy.